

Репетиция закончилась только в три часа дня, но до вечера спектакля было еще четыре часа...

— Кем себя считает Инна Чурикова актрисой кино или театра?

— Кино. В каком плане? Это прежде всего кино Глеба Панфилова, которое меня сформировало и где я родилась как актриса. По образованию иначальному опыту работы я, конечно, театральная актриса, но я сделала и делаю какие-то открытия для себя — в человеческом плане даже — именно благодаря Глебу Панфилову. Вот почему считаю себя актрисой кино.

— Тогда почему работаете в театре?

— А я считаю себя и актрисой театра, потому что без театра жить не могу — я имею в виду Театр имени Ленинского комсомола, где работаю, театр Марка Захарова. Уроки его очень полезны, с ним всегда интересно — он человек неспокойный, ищущий. К тому же в театре много талантливых людей разных поколений, у которых тоже есть чему поучиться. Разумеется, театр я тоже люблю. Страсть такая, потребность души. За ту секунду, когда на сцене удается взлететь, многое отдашь. Если только тебе действительно выпадает такая удача — оторваться на миг от земли. Это чувство полета сравнить ни с чем нельзя.

— Но и в кино бывают «секунды полета»?

— Бывают. Если режиссер умеет летать.

В общем, я люблю театр. Не могу описать, что происходит, когда открывается занавес — как ребенок, забываешься, и вдруг уходит все, что реально существует. Быт, он ведь все время утаскивает нас из этого прекрасного мира. Магазины, ребенок, школа, болезни, обеды, еще что-то. Но на сцене ты начинаешь жить совершенно иной жизнью. Иллюзия становится реальностью. Поразительное чувство.

У нас, конечно, в этом смысле фантастическая профессия. Ну, кажется, что для нас Фландрия? А в «Тиле» она может стать твоей родиной. Профессия дает возможность делать удивительные открытия. Например, в «Вассе» для меня поразительным было открытие Времени — я вдруг его почувствовала. Эти пожелтевшие фотографии, с которых смотрят наши предки — молодые, здоровые, сильные, — а я знаю, что их уже нет. И с возрастом эта мысль осе-

бенно сильно волнует... Для меня начало века — прекрасное время, оно вдруг оживает и тогда, когда я слушаю певиц, которых слушали еще Горький, Блок, Куприн, — знаменитую Вальцеву, знаменитую Панину, знаменитую Дулькину. Когда через шипы и шорохи старой пластинки прорываются их живые голоса, прорывается Время. Тогда начинает работать фантазия — и что-то открыва-

ется и, конечно, режиссер картины Петр Тодоровский.

— В прошлом же году в телефильме «Мертвые души» вас увидели в роли Дамы, приятной во всех отношениях, роли эпизодической...

— Почему согласилась на маленькую роль? Великий Гоголь и замечательный режиссер Михаил Швейцер. Эта маленькая роль многое мне открыла. Ну, например, что такое гоголевские персонажи? Это реальные люди,

— Но у меня нет такого права — прощать или наказывать!

— А есть такое право — определить свое отношение к персонажу?

— Я отношусь к ней, как к себе: я ведь и себя периодически оправдываю и периоди-

учила. Революция делала людей комиссарами. Они на собственных ошибках учились, за все платили собственной кровью.

Непривычно? Но так было: мы опирались на конкретные факты истории. Вот та же Лариса Рейснер — один из прототипов Комиссара: есть фотография, которая помогла нам найти внешний облик. Там она на корабле — в беленьком костюмчике, в эле-

«Гамлета», и у меня такое чувство жалости по утраченному!

— Любовь к слову предполагает и желание слушать...

— О, естественно. Желание слушать — признак культуры — тоже встречается не так часто, как хотелось бы. Даже если человек, с твоей точки зрения, несет ерунду, надо выслушать, потому что это его волнует. Вроде бы надо. Полагается. В теории. Но жизнь состоит из разного, она в личной теории не всегда укладывается.

— А из чего состоит жизнь актрисы Инны Чуриковой?

— Из быта — никуда не денешься — и секунд полета, когда повезет. А для секунд полета надо работать, уходить из быта и вообще жить иначе — приподнято: в каком-то другом измерении. Было бы прекрасно, если бы то, что называется бытом, мы умели превращать в праздник. Это ведь тоже искусство, и есть люди, которые им владеют — умеют талантливо жить. Тут каждый — сам актер и режиссер в своей жизни... Как бы научиться жить талантливо, а?

— Кстати, об учебе: говорят, вы учитесь — правда, «заочно»?

— «Заочно», да, в первом классе: Ванечка пошел в школу, вернее — мы.

— «Мы» — это мама Инна Чурикова, папа Глеб Панфилов...

— Он — до дверей школы, дальше я повела сына, а папа остался «за кадром», как всегда. Я рада, что школа Ванечке понравилась, особенно — Зинаида Павловна, учительница. У него, к сожалению, не так много желания делать уроки, но я его понимаю.

— Хотя и не говорите ему, что понимаете?

— Если и говорю кому-то, то так, чтобы сын не слышал. Правда, он слышит все: уникальная способность у ребенка — слышать все, что не надо. И что надо — не слышать. И невероятная способность спорить, просто страсть какая-то.

— Это, видимо, наследственное — от мамы...

— Куда мне до папы!

Григорий ЦИТРИНЯК

ЖИЗНЬ АКТРИСЫ: МГНОВЕНИЯ ПОЛЕТА

ется. Я вижу, как Васса Железнова играет с внуком, как ходит с ним по магазинам, снимается в фотоателье, слушает музыку.

Другое дело — Анна Петровна в «Иванове». Я все представляла себе, как она в церкви стоит: не стояла ведь никогда в церкви, иной веры человек, ради любимого стала христианкой.

— В прошлом году на кинофестивале в Западном Берлине вы получили приз за лучшую женскую роль — за роль Веры в фильме «Военно-полевой роман»...

— С одной стороны, я очень рада, тем более что председателем жюри была выдающаяся и любимая мной шведская актриса Лив Ульман. С другой — я считаю, что с тем же успехом могли быть отмечены исполнители главных ролей — Наталья Андрейченко и Николай Бур-

только взятые как бы при температуре кипения, когда чувство становится страстью, а простая встреча — столкновением. Все реально, узнаваемо — и в то же время фантастично. И еще: что Гоголь к женщине относится как-то с опаской, что ли. Во всяком случае, беды Чичикова начались с того, что он недооценил женщин — просто приятных и приятных во всех отношениях.

— Будем иметь в виду. Однако Новый год — не только итоги...

— И планы, да. Глеб Панфилов репетирует «Гамлета» в нашем театре, я играю королеву Гертруду.

— Что она за дама? Вы ее оправдываете, обвиняете?

— Прежде всего пытаюсь понять. Дама страстная, очевидно. С фантазиями и какой-то неумной чувственностью.

— «Два меслца, как умер! Меньше данке».

— Очень сложная, да, навела много. Но то, что она способна на раскаяние, меня с ней примиряет.

— ...И башмаков не изнашива, в которых шла за гробом...

чески осуждаю. Пока работа не закончена, могу сказать одно: любви у меня к ней нет. А играть хочется: Шекспир встречается в нашей жизни, как большой подарок, — что ж я буду отказываться? Шекспира надо играть. Вообще надо побольше играть классику.

— Вот еще вопрос, коль скоро речь зашла о классике: вы играете Комиссара в недавней постановке «Оптимистической трагедии» — в белом цивильном костюмчике, в шляпе, с зонтиком. Читатели удивляются — непривычно...

— У меня, не скрою, был испуг, когда М. Захаров предложил эту роль. Ведь за десятилетия сценической истории нарабатывая уже стереотип Комиссара — женщина в кожанке, авторитетно отдающая приказы, энергично распоряжающаяся, абсолютно все знающая. Как это соединить с женской природой, с отсутствием у нее практики? Тогда и школ таких не было — не учили нигде «на комиссара». Революция

гантном жантильном кепи — что-то увлеченно говорит матросам.

— А в сумочке — пистолет?

— Да, как у революционерки Рахели из фильма «Васса». А как иначе? Она же не к товарищам по партии пришла. Пистолет был, только сомневаюсь, что она всегда попадала в десятку...

Кстати, классика многому учит, в самом деле. Вот мы сейчас репетируем «Гамлета», и я понимаю — мне Шекспир сигналил из своего времени, — что люди находили наслаждение в слове. Как Тиль Уленшпигель говорит в спектакле нашего театра: «Сначала — слова, потом — любовь». Женщине нужно было красивое слово, оно волновало ее, как Роксану — слова Сирано. Очень важный урок, потому что сегодня часто обходятся без слов. Темп, жест. Язык слов порой заменяется языком жестов: быстро договорились, полюбили друг друга — на время, разошлись. «А у нас была любовь». Куда-то уходит культура выражения чувств. Я вот читаю

ТЕАТР

Под псевдо-

КИНО